
ДМИТРИЙ ИЛЬИН

ДВЕ ПРАВДЫ ОДНОЙ ИСТИНЫ

(Размышления после просмотра фильма Павла Лунгина “Остров”)

*Полковнику Орлову В. Н.
посвящаю*

В суждениях о фильме “Остров” стала уже общим местом идея о покаянии грешника и обретении внутренней свободы в вере искренней, истовой.

Это правда. Но не вся правда. А есть и другая. Менее очевидная, но не менее значительная. В нынешней чумной эпидемии антисоветских страстей подобраться к ней не просто. Но можно. Сделав предварительно ряд общих, но необходимых уведомлений о некоторых свойствах искусства.

Произведение искусства обладает уникальным свойством – многообразием смыслов одной идеи, выраженной в авторской позиции. Поэтому каждый зритель (читатель), воспринимая авторскую идею, одновременно “прочитывает” в ней и что-то очень СВОЁ, что-то более близкое ему, чем самому автору, который порою даже и не замышляет этой читательской правды. Но она есть. Она живет в художественном произведении как верный признак полноты и многообразия жизни. Да, это великая тайна художественного – в глубине “генеральной думы” (Твардовский) нести через века множество ее смыслов, какие воплощаются в разные времена разными народами разное и самобытно.

Русская классика – образец для оригинальнейшего “прочтения”. Лев Толстой в своей рецензии на рассказ Чехова “Душечка” писал о том, что автор хотел посмеяться над женщиной, но добился эффекта прямо противоположного – воспел самое прекрасное и высокое в женщине: умение любить, а значит, воплощаться в образ любимого.

Мысль Толстого (как, впрочем, и любого честного прочтения) не отменяет замысла автора (чего не скажешь о современных мародерах в искусстве), но дополняет его, открывая сложную одновременность высокого и разного в таинственной душе женщины, словно в образе самой жизни, “прекрасной и яростной”, по слову Андрея Платонова.

Я полагаю, читатель уже догадался о том, что в моем “прочтении” фильма “Остров” есть нечто, отличное от замысла режиссера. В конце заметок мы поговорим об этом отдельно и подробно.

Итак, фильм Павла Лунгина “Остров”.

Великая Отечественная война. К острову на севере страны подходит самоходная баржа с грузом. Ею управляют шкипер Тихон Петрович и несовершеннолетний юнга Анатолий. Они еще не ведают, что на острове немцы.

Плен. Горькая страница нашей истории. Но немцы, как выясняется, собрались взорвать остров и уходить. Пленные в этих замыслах – обуза, самый простой способ освободиться от которой – расстрелять их.

Мальчик потрясен. Он не готов к смерти. В истерическом припадке он ползает у ног врагов, умоляет пощадить, кричит, как зверь, чувствующий по-

гибель. Немцы (с психологией всех западных колонизаторов) не отказывают себе в удовольствии насладиться до конца моральным падением жертвы. Они дают мальчику пистолет с одним патроном и предлагают убить Тихона Петровича. Такова цена жизни для Анатолия.

Это окончательно добивает его. Он бьется в конвульсиях, кричит: “Я не могу, не могу...”. Он закрывает от страха глаза, отворачивается, рука с пистолетом трясется – уже не его, безумного, рука... Но она стреляет, и Тихон Петрович падает в воду. Картину гибели завершает взрыв острова.

Путру полуживого Анатолия подобрали послушники храма на материке. Такова интригующая завязка фильма...

Прошло более тридцати лет. Юнга стал послушником – отцом Анатолием в том храме на материке. Он не прост, он странен, этот послушник: судя по кашлю, у него больные легкие, но он, не переставая, возит тачки с углем – топит котельную для храма и быта служителей, спит на этом же угле и ничего не просит у жизни – молитвы и тачка с углем, тачка с углем и молитвы. От замены отказывается, отказывается вообще от всего, что хоть на малость сместит его жизнь к комфорту.

Остров все время на виду. Он палач о. Анатолия – он каждодневно мстит ему памятью.

В сущности, это страшное испытание. Но о. Анатолий принимает его. Безропотно, как перст судьбы – через страдание к Божьему прощению и истине.

Далее в фильме – причудливая форма его неистовой веры, долгая, изнурительная дорога к Богу.

И здесь картину неизбежно подстерегают опасности. Будем откровенны, мы смотрим произведение кинематографического искусства, а не читаем житие святых. Длинный и монотонный путь раскаяния начинает казаться однообразным. Ощущение сюжетной новизны постепенно исчезает. Трудно отделаться от ощущения, что судьба о. Анатолия повторяет, по сути, грех и страдания Раскольникова из “Преступления и наказания”. Видимо, не просто прибавить нечто к дерзаниям великого Достоевского, как, впрочем, и всей русской религиозной мысли: истинное наказание греха не в законе, а в страданиях греховной души, неотвратимо склоняющейся к покаянию.

Возможно, авторы фильма догадываются об этом. Во всяком случае, они пытаются обострить драматургию сюжета диковинными “выходками” о. Анатолия. Он исцеляет физические недуги у пришлых людей, и слава о его чудесах катится комом по дорожке народной молвы. О. Анатолий куролесит, выкидывает “коленца”, давая повод думать священнику и послушникам, что он “того” – “с приветом”.

Но вскоре выясняется, что сии чудачества – это протест беспокойной души против избытка земных страстей у служителей культа – священника и послушников. Мысль эта интересная и в высшей степени важная, злободневная: служение во храме (как, впрочем, и вообще вера) исключает ПОЛОВИНЧАТОСТЬ верования, ибо оно есть целостное пребывание в Духе Святом. Только тогда Слово Божие через священника окормит жаждущего его или ниспошлет прощение.

Увы, и эта мысль не нова. Вспомним потрясающий по мысли и глубине рассказ Л. Толстого “Отец Сергей”, где глубоко верующий и кающийся грешник отрубает себе палец, чтобы превозмочь земное искушение во имя веры.

В общем мало-помалу началось создаваться устойчивое ощущение, что авторы фильма избрали путь трудный и малопродуктивный для самобытного слова в искусстве.

И вдруг...

Здесь, следуя общепринятой лексике, требуется сказать о “развязке” или “кульминации” фильма. Но, право же, эти термины слишком пассивны для выражения такого довольно редкого случая в искусстве. Происходит смысловой, сокрушительный взрыв, перевернувший все представление о фильме. О подобном чуде в искусстве мы найдем упоминание только в мемуарах русского художника Карла Брюллова. Однажды художник, как обычно, прохаживался в мастерской вдоль мольбертов своих учеников. Остановившись у одного из них, он пристально взгляделся, взял кисть и сделал буквально два мазка на картине. И произошло чудо – картина преобразилась, вызвав неопишуемый восторг у собравшихся вокруг нее учеников. Этот эффект Брюллов назвал словами “чуть-чуть”.

Именно это – “чуть-чуть” – преобразило фильм.

К о. Анатолию приезжает адмирал с психически больной дочерью. Ее “повело” после гибели мужа-подводника. Прослышав про чудеса исцеления о. Анатолия, адмирал решил испробовать последний шанс.

Послушник добросовестно и страстно исполнил заветный ритуал, и молодая женщина “просветлела”.

А между тем выясняется, что адмирала зовут Тихон Петрович... О. Анатолий встревожен. Он томится от предчувствия последнего, решающего покаяния. И безоглядно открывает адмиралу свой намоленный грех. Говорит, словно по минному полю идет, – с надеждой и страхом. “А зачем вы рассказываете об этом мне?”, – искренне недоумевает адмирал. “Да потому что жить не могу, жжет, жжет грех, сил моих больше нет!”, – слышит адмирал голос измученного, придушенного страданиями сердца. “Живи спокойно и умирай спокойно, ты не убил того человека, а ранил. Его подобрали наши. Он жив”, – молвил адмирал.

Оба уже все поняли, но сближались медленно, на ощупь, из разных, далеких друг от друга судеб.

“Прости меня”, – вдруг выдал из себя о. Анатолий.

“А я тебя уже давно простил”, – был ответ...

Здесь и случился смысловой взрыв, расщепивший сюжет фильма на две судьбы, воплощающие две ПРАВДЫ жизни.

О. Анатолий – образ первой из них – религиозной, православной правды.

Вера не только в молитвенных бдениях (а уж тем более не в показушных выстаиваниях со свечой во храме да перед камерами ТВ), но прежде всего в исповеди и покаянии, в которых человек высказывает ПОНИМАНИЕ разницы между добром и злом и в которых он оповещает Спасителя (через молитву или священника) о своем безусловном выборе. На этом праведном пути вера лечит душу, просветляет темные ее лабиринты. Человек может в грехе оступиться, изгадаться, пасть наконец, но дух его всегда остается открытым для омоления, очищения, исцеления. Вера рождает надежду.

Очень тонко чувствуют авторы меру падения и покаяния героя: для снятия такого страшного греха, как убийство товарища по оружию, нужна особая сила исповеди, невиданная энергия веры. И о. Анатолий находит в себе такие силы. Чудесами исцеления людей он как бы вторит чудесам Христа. Такое, видимо, возможно, полагают авторы фильма, при абсолютной вере. Духовная энергия такой веры исцеляет, прежде всего, низко падшую душу, а исцеление людей – это видимый признак идеальной любви к Богу. На этом пути грешник Анатолий становится ПРАВЕДНИКОМ.

Так чего же не хватает о. Анатолию в его святой религиозной жизни? Почему “жжет” в душе и нет успокоения? Видимо, даже такая правда не завершена, не целостна.

Вера не только Небом красна, но и правильной подготовительной жизнью на Земле по заветам Спасителя. И главный из них – БРАТОЛЮБИЕ. “Возлюби ближнего своего, как самого себя”, – о. Анатолий исполняет эту заповедь безупречно. Но мир вокруг... Может ли он без Христа и молитвы, но со своими высоконравственными задачами хотя бы приблизиться к Духу Святому? Может, отвечают авторы фильма, являя убийце прощение от его жертвы-атеиста. Это было явление высшего братолюбия из всех заветов Спасителя, определившего предельную милость человеческого сердца, без которой жизнь на земле неполноценна, нисходяща, обречена: “...любите врагов ваших... Ударившему тебя по щеке подставь другую”. (Наша советская идеология всегда трактовала эту заповедь Христа до вульгарности примитивно.)

Жизнь земная без Христа, откликнувшись высокой милостью на святость послушника, завершила в его душе единство и полноту веры. Это принесло успокоение, лад с миром и небом. О. Анатолий вдруг понял, что желанная готовность предстать перед Божьим судом, как Свет Небесный, снизошла к нему. Он загадал – отойти в мир иной через три дня. В назначенный час он предался. С тишиной и благодатью в душе.

Своим бесценным подвигом покаяния и блаженным упокоением от земного милосердия о. Анатолий утвердил в фильме исчерпывающую правду Православия.

А между тем, в живом пространстве фильма зародился чистый свет другой правды – РУССКО-СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР.

Вспомним, как “погибал” шкипер Тихон Петрович. Он готовился к смерти вызывающе красиво: неспешно достал сигарету, зажигалку. Закурил. Это был особый шик человека, чья внутренняя свобода исключала любые заботы на краю жизни, кроме презрения к врагу и смерти. С высоты национальной чести он и смотрел на них с презрением, как смотрели Зоя Космодемьянская, генерал Карбышев и тысячи замученных патриотов. Это был взор Духа Единого, с каким каждый советский великомученик своею смертью попирает смерть Отчизны, подобно тому, как сказано в Новом завете о жертве Иисуса Христа во имя человечества: “Смертью смерть поправ”.

Они были святыми великомучениками, как их крестные братья в русской истории.

Не велик путь адмирала Тихона Петровича в сюжете фильма, но велик размах правды, им несомой.

Адмирал с готовностью принимает предложение о. Анатолия окрестить просветленную дочь, но наотрез отказывается креститься сам. Зачем? Он из мира другой веры, других идеалов. Он стоек и чист в своих убеждениях, но русская душа отзывчива к новой вере для нового поколения. Отзывчив русско-советский характер. Он, как известно, всемирно отзывчив. И к иной вере, и к другим страданиям, и даже к врагу.

Прощение Тихона Петровича не только акт Божий, но и дело всемирного сострадания.

Хорошо известно, что немцы на оккупированной территории наших не кормили, не обустроивали нашу жизнь, не спасали, а мы в Германии и кормили, и помогали налаживать жизнь, и спасали. Знаменитая скульптура Вучетича в Трептов-парке Берлина – солдат с ребенком на руках – имела, как известно, жизненный прототип: советский солдат вынес в 45-м году из горящего дома в Берлине немецкую девочку.

Помню, как летом 1945 года возле нашего дома в Ленинграде работали пленные немцы. Жалкое это было зрелище. Изможденные, голодные, хмурые, они не покидали нашего сознания. И печалили. Они с готовностью меняли на хлеб часы, цепочки, безделушки. И наши меняли. А когда у немцев кончился товар, хлеб им понемногу (ведь тогда еще была карточная система, сами были голодны!) приносили за так. И кто же? Трудно и страшно сегодня в это поверить! Вдовы погибших на войне от рук, быть может, вот этих самых пленных, а нынче утративших силу, горестных и беспомощных, вызывающих у наших баб щемящую жалость и слезы (наш двор после войны был вместилищем вдов, с войны вернулось только двое мужчин, а их недостаток восполнили жители огромного заводского общежития – деревенские вдовы с детьми, приехавшими по набору восстанавливать Ленинград).

Правда русско-советского характера рядом с религиозной правдой – это совершенно новый, не побоюсь сказать, сенсационный мотив в современной художественной мысли (а уж тем более в “киношной”, и, экий недосмотр жандармов на ТВ, мотив, озвученный по “ящику”). Здесь мне видятся откровения, не посещающие нас в этом равноправном диалоге земного и религиозного со времен Достоевского, разумеется, не по уровню знания, а по его содержанию.

Один мой пронизательный собеседник заметил по поводу моего “прочтения” фильма: “Ну да, адмирал – советский характер. Духом высок. Факт. А вот дочь излечить не смог, как отец Анатолий”. Наблюдение, скажем прямо, живое и простодушное, но нелепое по сути, поскольку допускает СРАВНЕНИЕ двух нравственных символов в пользу религиозного. Собеседник, судя по всему, не понял главного – фильм уравнивает две правды, и если вы нарушаете это принципиальное равновесие, то реакция “выравнивания” неизбежна.

О. Анатолий – это воплощенное покаяние, а точнее – степень покаяния. Именно высокая степень ее позволяет исцелять людей. Но такой высокий уровень покаяния изначально необходим о. Анатолию, чтобы уравновесить бездну содеянного греха. Иными словами, исцеление – это барометр исключительных намерений послушника спасти прежде всего свою душу. Между тем как у адмирала душа чиста и полноценна. Он и герой, и символ братолюбия в его высшей духовной ипостаси – в прощении врага своего (как завещал Христос).

Отдадим должное режиссеру фильма и подивимся его тонкой художественной деликатности (особенно на фоне нынешнего разврата!): он не дает ни

малейшего повода сравнивать две правды, два подвига, две нравственные силы русской жизни.

Две правды... Разные и не пересекающиеся в пределах грешной земли.

Разные. И вот парадокс – дополняющие друг друга, а значит, готовые к встрече друг с другом, но в другой сфере бытия, там, где высшая точка Духа – Истина, дарующая на земле и небе идеал добра и справедливости.

Подлинное откровение фильма – это не столько оправдание двух правд, что само по себе есть чудо, сколько поиск большего и высшего в движении их навстречу друг другу...

Почему о. Анатолий “зависим” от мира земного? Почему нерв драматической развязки, неизбежно “тянущий” на себя основные смысловые нити фильма, – в прощении земного атеиста? Отчего именно оно, это прощение, завершает успокоение и полноту религиозного чувства послушника? Видимо, потому, что единичное религиозное сознание **не может быть независимым от людского мира, его обустройства, его ценностей** (полная независимость обретается только в скиту). Надо полагать, что чем выше готовность земного мира откликнуться на религиозное чувство, тем больше они нужны друг другу. И зависимость эта при высокой нравственности земного мира – **религиозная**. Судите сами – ВСЕ душевные движения адмирала-атеиста в фильме (решительное все!) исполнены заветов Спасителя. Любопытно, не правда ли?

Но как и почему в атеистическом мире рождается готовность к святости, к неосознанной религиозности?

Так логика фильма невольно воскрешает открытый диалог Достоевского на тему жгучую и до сих пор не проясненную, а сегодня так едва ли не решающую: как обустроить жизнь земную (массовую, а не единичную жизнь!), что искать в ней – формулу земного, осязаемого счастья через соблазнительные конструкции ума или счастье идеальное через религиозное бдение, или нечто третье? Как разрешить вечное противостояние Земли и Неба, о котором Христос отозвался в истинно религиозном духе – “Богу богово, Кесарю кесарево”, не дав, таким образом, ни малейшего шанса понять, как же все-таки решать дела земные. (Эта заповедь Спасителя исчерпывающая и справедливая, ибо Он – Царь не от мира сего, и решать земные дела – не его задача, как справедливо замечает философ С. Булгаков, ибо смысл жизни на земле по заветам Спасителя – **в братолюбии.**)

Достоевский, как известно, вопросы эти не решает, но он впервые в художественно-философском опыте ставит их с остротой небывалой. Здесь речь идет главным образом о легенде “Великий Инквизитор” в романе “Братья Карамазовы”. В ней писатель, как бы пророчески осмысливая движение России к социализму, видит в его зарождении сложную и драматическую борьбу трех ипостасей бытия: свободы, авторитарности и несвободы. И если первый интерпретатор “Легенды” философ В. Розанов еще сохраняет неоспоримую высоту мысли Достоевского о борьбе необходимости и свободы, то многие последующие интерпретаторы – примитивные антисоветчики – опускают мысль писателя до убогих политических заклинаний: тирания, несвобода, репрессии.

Ниже мы непременно коснемся этих волнующих тем, а здесь уместно будет только напомнить об одной исторической проблеме, которой не утомляют себя все хулители социализма. Социализм в России строился в условиях жесткой исторической мобилизации – Первая мировая и Гражданская войны; интервенция кликушествовавшей “свободы”; за пределами человеческих возможностей индустриализация с мучительной коллективизацией, ставшие не признаками репрессий (о чем трубят тоталитарный хор современных жуликов или глупцов), а трагической необходимостью, во многом определившей победу в Отечественной войне, где победить даже теоретически было невозможно (а победили! и главным образом потому, что кроме фронта общую победу ковал и созданный героизмом первых пятилеток индустриальный тыл); послевоенное (в невиданные сроки!) восстановление; развязанная Западом “холодная война” и 80% нашего бюджета на нее, что обескровило мирную экономику и уровень жизни. Эта перманентная мобилизация, которая 70 лет целенаправленно управлялась Западом, собственно к социализму, как обществу добра и справедливости, **никакого отношения не имеет.**

В этих запредельных условиях Советская власть, что называется, РАЗРЫВАЛАСЬ на общество добра и справедливости (собственно **социализм** с устроением бытом **для всех**, с бесплатными жильем, медициной, образовани-

ем, копеечными услугами и высоконравственной культурой) и общество защиты от врагов внешних и внутренних с мечом, обнаженным и карающим (Шолохов считал, что в СССР Гражданская война никогда не кончалась).

И враги Советскую власть все-таки разорвали, но идея и содержательная практика общества справедливости остались осязаемы и неколебимы. Как всякая плодотворная и нереализованная идея, социализм в той или иной форме, конечно же, возродится. То, что нам не дано было понять, необходимо пережить. Таков закон возрождения...

И тем не менее. Пророчество гения и мысли о прошлом в фильме говорят как будто бы об одном – о земном бытии социализма без Христа, но разные временные ориентиры позволяют увидеть в одном и том же РАЗНОЕ.

У Достоевского мир Кесаря “выходит” навстречу религии (самому Спасителю), чтобы решительно заявить о правде земной, авторитарно-повелительной жизни без Спасителя.

В фильме, напротив, уже сама религия (кающийся грешник-праведник) “движется” навстречу миру Кесаря (символ его – адмирал) с потребностью включить этот мир в религиозное чувство и этим завершить полноту чувства.

Отчего же такие разительные перемены в мире Кесаря? Непременно оттого, что этот **уже выстроенный** мир Кесаря был жив **братолюбим**, то есть заветами Христа.

В сказанном нет даже намек на сопоставление фильма с уровнем художественного пророчества Достоевского. Речь идет совсем о другом – фильм создан после уникального социального опыта в России и потому неизбежно (постфактум!) вобрал в себя **НОВОЕ ЗНАНИЕ**.

Видимо, прав Великий Инквизитор, выстраивая земное счастье для людей на авторитарно-повелительных принципах без Спасителя (любопытен в этом смысле финал легенды, где Христос, покидая Великого Инквизитора, не говорит ни слова, но целует Кесаря в старческие уста). Ибо вещей опыт России в XX веке **ДОПОЛНИЛ** дерзкую, но, судя по всему, неизбежную мысль Кесаря **ДРУГИМ СМЫСЛОМ**: только **такое** (по замыслу Великого Инквизитора) мироустройство на земле может оказаться **братолюбивым** (“человек человеку друг, товарищ и брат”), только в такой земной жизни Новейшей истории **КАЖДОЕ** единичное сознание **готово к восприятию Православия**. Будем справедливы, религия в Новейшей Истории (исключая, пожалуй, ислам) утратила, по сравнению со Средневековьем, общественную значимость. Русский социализм как бы “возвращает” нацию в Средневековье (Константин Леонтьев о социализме: “новый феодализм”, Бердяев: “Новое Средневековье”).

Такой поворот темы, я допускаю, может показаться избыточно вольным, как и вольно трактуемая “Легенда”. Допускаю, ибо так уж повелось у нас, Великий Инквизитор стал окончательно порочным клеймом на любом идеологическом обустройстве жизни. Он – это и манипуляция сознанием, и отрицание свободы, и отрицание Спасителя – три столпа авторитарной богорческой власти.

Но вот незадача – а есть ли в Новейшей истории, так называемой “демократии”, заветные уголки, где вы не обнаружите масштабного “промывания мозгов” с последующим внедрением в стерильные головы сладкозвучных мифов и знаков? Такого места в Новейшей истории Запада нет. Манипуляция массовым сознанием – это эмблема, символ ее.

Больше того. Хорошо известно, что США полагают свою “свободу” эталоном мироустройства. Но гораздо меньше известно о том, что эта держава за последние полвека разработала уникальнейшие за всю мировую историю **технологии зомбирования**, успешно применяемые как внутри страны, так и за ее пределами. Сегодня США стали, по сути дела, манипуляторами мирового сознания.

Будем откровенны, мы в СССР, постоянно раздувая проколотый шар марксизма, с легкостью необыкновенной “проспали” этот глобальный вызов другой идеологии. Мы не научились разоблачать обман, аккуратно “упакованный” в слова, которые хочется слышать. И теперь мы – зрители в театре манипуляционного абсурда, где США на глазах всего мира расправляются с негодными государствами и вместе с тем основательно убеждают этот мир (или его влиятельную часть, что для них одно и то же) в непогрешимости своей “свободы”. Такой впечатляющий эффект от расизма “свободы” был неведом даже расизму Гитлера, умевшего убеждать мировое сообщество только силой – аргументом явно недостаточным для претензий на мировое господство в Новейшей истории.

Только наивные люди или политические шулера могут сегодня сотрясать воздух по поводу “свободы” и “демократии”, а нас убеждать в том, что Россия восприняла эти сакральные западные понятия, как всегда, в искаженном, неправильном виде. И, стало быть, для постижения правильной свободы нужны терпение и время.

Величайший обман нашего времени!

Печально сознавать, что сегодня великое множество русских людей, особенно молодых, не понимают, что к нам явилась ИСТИННАЯ “свобода” и что другой в мире Кесаря нет и никогда не было. Это очень остро чувствовал Великий Инквизитор (читай – Достоевский!), когда с вдохновенной страстью идеолога клеймил изначальную порочность и ложь этой увлекательной человеческой мистерии.

Такой – истинно агрессивной, жестокой, безнравственной – “свобода” и зарождалась в недрах западной культуры, такой и прошагала она по истории, утверждая силу и ломая слабых.

У нас мало обращают внимание на весьма примечательное обстоятельство.

Природа авторитарной системы – в крепости и святости государства, и граждане его, посягнувшие на этот символ инакомыслием или сплоченностью, в принципе могут быть репрессированы; это, как правило, тонкий слой общества из обиженных простолюдинов или из высшего сословия, интеллигенции – идейных разрушителей государства; здесь речь может идти о жертвах в десятках-сотнях тысяч; сколько было крику о терроре Ивана Грозного... 6 тысяч убиенных; за 300 лет правления Романовых казнено при подавлении многочисленных бунтов, двух восстаний и революции 1905 года приблизительно 25–30 тысяч человек (любые уточнения в сторону увеличения не превысят десятка тысяч); в СССР после жесточайшей Гражданской войны, которая, как было отмечено выше, никогда не кончалась, с 1921-го по 1953 годы приговорено к расстрелу 643 тысячи человек; таким образом, за 350 лет в России казнено инакомыслящих **670 тысяч человек**.

Истинная природа капитализма в социал-дарвинизме: сильные “пожирают” слабых; **здесь совершенно иной взгляд на жертвенность**, который Великий Инквизитор очень точно называет “антропофагией” (людоедство) – это не психология социально-культурных отношений, как в авторитарной системе, а расистско-зоологический зов приматов; вкупе с протестантской этикой “избранных” капитализм в колониальных, религиозных, революционных, конкурентной – Первая мировая, расистской – Вторая мировая – войнах истребил за те же (как в России) 350 лет **около 300 (!!!) миллионов человек** (нужно ли говорить о послевоенной “свободе”, оставившей горы трупов в Корее, Вьетнаме, Югославии, Ираке, Афганистане).

Вместе с тем за долгие годы истории эта “свобода” так мощно и эффективно овладела богатством полмира, что позволила всеобщей СЫТОСТИ от награбленного замазать и поддурманить прорехи “свободы”. Получились не вольность и святость, а уникальный манипуляционный фантом с невеликой тайной его бытования: **демократия в мире Кесаря есть свобода для “избранных” на костях изгоев**.

Великий Инквизитор открывает новый мир в человеческом бытии: не “свободу” – синоним обмана и неизбежного стеснения жизни, а великую идею, творящую, подобно Богу, жизнь.

Но великая его идея суть земная идея, и для своей осуществимости она подвигает Кесаря на решительный отказ от Спасителя с благодарением во имя Его. Для народа, воспринимающего земные радости во имя Спасителя, отказ Кесаря от Него есть ТАЙНА. Она неизбежна, необходима, она нерв “земного притяжения”: жить и творить БЕЗ БОГА, всецело подчиняясь воле Кесаря, но ЧЕРЕЗ БОГА принять великую идею Кесаря и ЧЕРЕЗ БОГА собраться во всеединство (“беспорный общий и согласный муравейник”, по слову Великого Инквизитора).

В этой своей высшей смысловой точке “Легенда о Великом Инквизиторе” прикасается к самым тонким и сокровенным струнам русского социализма.

Была ли мировоззренческая тайна у Советской власти? Тайна основ, опор социализма, а не дворцовые тайны – лакомое блюдо современного журналистского воронья? Кажется, нет задачи более простой и очевидной – ничего не было у нас так открыто, так осязаемо и прозрачно, как наше мировоззрение...

Но тайна была. И она была тайной для всех – власти и народа. Мы воз-

несли колосс социализма на прочном духовном фундаменте **русской общины с православным сознанием. А строить великое творение оказалось возможным только с помощью боевого, подвижного и богоборческого марксизма. Так мы БЕЗ БОГА, но ЧЕРЕЗ БОГА (с православным сознанием) восприняли великую идею социализма и достигли всеединства.**

Это был наш русский парадокс, наша великая тайна: **в богоборческом государстве мы воплощали идеи Великого Инквизитора и строили жизнь земную по заветам Спасителя. И в этом, как мне представляется, глубинный смысл “Легенды...”: любая безбожная идея обустройства России, созидающая во имя всех и для всех, не воплощается в России без Бога, ибо такая идея востребуется и проживается только религиозным сознанием русского народа.**

Существовала, однако, и осязаемая разница с Великим Инквизитором. Для него тайна – осознанный обман людей, но, разумеется, от искренне возвышенной любви к человечеству. Достоевский, видимо, полагал, что в общественной конструкции без Бога поддерживающей опорой может стать “святой” обман. А там, где обман, там неизбежна манипуляция массовым сознанием – таков истинный смысл этого наваждения в Новейшей истории.

Опыт социализма в СССР слегка “подправил” русского гения.

При Советской власти, правильнее сказать, при Сталине обмана в стратегических намерениях не было и быть не могло. Отсутствовала, следовательно, и манипуляция массовым сознанием. А была внятная без иносказания и лжи идеология, выражающая истинные намерения вождя и власти. Полагать же сталинский террор, как фигуру обмана, означает стать участником нынешней манипуляции массовым сознанием, по масштабу, истеричности и лжи сопоставимой с геббельсовской пропагандой.

Хрущев первый соблазнился ложью.

Эренбург назвал его правление “оттепелью”. От этого словца за версту несло либеральным душком, к которому тотчас же потянулись восторженные космополиты, словно шакалы к запаху падали. Но Эренбург, ловкий царедворец, перехитрил сам себя, не уловив истинного смысла фрондирующего понятия. Оттепель – это состояние непредсказуемости, переменчивости, обмана...

Социализм и православие – тема спорная, но достаточно известная и привлекательная в русской общественной мысли XX-го века, вспомним хотя бы ценный труд философа С. Булгакова “Христианский социализм” и, конечно же, оригинальные труды философов-евразийцев.

Фильм “Остров” словно дает подсказку для мысли старой и новой одновременно: **только социализм способен воплотить христианские заповеди братолюбия на Земле.** (С мыслью о будущем можно говорить, разумеется, только об обновленном социализме, вобравшем в себя печальные уроки истории.)

Сталин после неизбежного революционного угара интуитивно почувствовал решительную необходимость в сближении двух правд единого древа русско-советского бытия. Он многого добился в движении их навстречу друг другу.

Полоумный мелкий бес – Хрущев срубил почти под корень единое духовное древо России. Если антирелигиозный шабаш в 20-х и начале 30-х годов объясним (но не оправдан!) логикой революционной и этнической вседозволенности, то у хрущевского погрома церкви не было никаких исторических оснований. Верный ученик троцкизма, Хрущев с сатанинской энергией возродил русофобское начало Льва Давыдовича Бронштейна в революции.

Многие современные писатели, философы, православные священники, все те, кто не утратил трезвости ума и опрятности душевных помыслов, говорят о скрытом характере христианского сознания в советском безверном поколении. Больше того, здравый смысл подсказывает, что “кодекс строителей коммунизма”, запечатлевший живую общественную нравственность в СССР, был едва ли не калькой с десяти евангельских заповедей.

Замечательный русский писатель Владимир Личутин на конференции, посвященной юбилею Николая Островского, говорил о том, что только русские могли взлелеять мечту о коммунизме-рае на земле, ибо есть в этой надежде глубокий религиозный смысл: “рай” на земле (жизнь высокодуховная и нравственная **в обществе**) может формировать личность, близкую к Богу.

Особенно ярко и пронзительно обнажилось скрытое христианское сознание советских людей в период Отечественной войны. Сегодня все отчетливее слышатся исполненные мудростью голоса, обращенные к православной церк-

ви, о включении в пантеон великомучеников Зои Космодемьянской, Александра Матросова и других героев, вечно живых в вечной памяти народа.

Заветные мечты... Но ожидания напрасны: сегодня церковь смотрит в другую сторону. Вот уже и Капелля собираются канонизировать, того генерала, который на деньги интервентов воевал против своего народа, да с такой звериной жестокостью своего отряда, которая затмила многие пороки Гражданской войны.

Мы никому не навязываем единодушие. Есть малочисленные группы (и примкнувшая к ним орава политических игроков), которые желают чтить память Капелля. Бог им в помощь! Но церковь! Неужели XX век не отвалил ее иерархов от политических игр? Церковь, без сомнения, должна быть лояльна к любой легитимной власти. Но усердствовать-то зачем? Вот так сменится завтра коренным образом власть – и что же? Вы, господа хорошие, будете канонизировать бывших членов Политбюро?

В конце заметок, как и было условлено вначале, я возвращаюсь к разговору о “прочтении” произведения, чтобы озадачить себя не лишним для этого случая вопросом: насколько все, что изложено в заметках, соответствует замыслу создателей фильма?

После показа фильма по Второму каналу ТВ в патриотической печати промелькнул целый ряд отзывов о нем – без хулы, но с какой-то настороженностью, без большого желания доверять ему. Будем справедливы, понять сомневающимся можно, ведь фильм, вероятнее всего, финансировался и, следовательно, показывался по Второму каналу ТВ, который правильнее называть “Вторая КАНАЛизация”, сливающая все то, что принято сливать в канализацию.

Но как бы то ни было, мне довольно того, что фильм как художественное произведение состоялся (при этом **уровень** “удачи-неудачи” я намеренно выношу за скобки). Именно это обстоятельство дает возможность опереться на ту живую мысль (а она есть!) в картине, которая ПОЗВОЛЯЕТ достаточно широко ее толковать. А вот каким образом при жесточайшей демократической цензуре на ТВ такая мысль явилась на экране – об этом поговорим.

В одном из интервью режиссер фильма Павел Лунгин так определил свою творческую задачу: “Я хотел показать мир, наполненный чувством Бога...”. Этот мотив с подвигом-покаянием и стал основной идеей всего фильма по мнению режиссера, критики и православной церкви, сразу же придавшей фильму широкую огласку.

А ведь и впрямь в фильме все как будто говорит о единстве замысла. Шкипер-адмирал – герой второго плана – просто подыгрывает главному герою – юнге о.Анатолию. На профессиональном жаргоне это называется “тянуть одеяло” на главного героя.

Судите сами.

Героизм шкипера (по логике сюжета фильма) создает очень убедительный контраст в драматургии, на фоне которого нравственное падение юнга кажется особенно унижительным. А это очень продуктивно “работает” на покаяние.

Прощение адмирала – действие, неизбежное для развязки фильма, без которого картина превратилась бы в простую хронику покаяния.

Все это так – да не так. Здесь тайна искусства и правда жизни меняют в корне логику замысла: чем сильнее режиссер подсвечивает главного героя с помощью персонажа второго плана, тем ярче неглавный герой отсвечивает. Русско-советский характер, судя по всему, получился неожиданно, как побочный художественный продукт замысла, возможно, даже минуя волю режиссера и уж определенно – цензуру. Но это ничуть не снижает его роли и значения, если все-таки понять до конца, почему он случился.

А дело в том, что режиссер **не стеснялся, не ломал, не уродовал правду прошлого**, как это нынче принято. Повинуясь профессиональному долгу, в коем без правды жизни нет и правды художественной, П. Лунгин отпустил ее, правду прошлого, на свободу, как будто приговаривая ей вослед верные слова философа Розанова (сказанные им о его душе): “...гуляй, душенька, гуляй славенькая, гуляй добренькая, гуляй, как знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу”...

Посмотрев фильм, я как-то невольно встрепенулся: а ну как отпустить сегодня все русско-советские души. Но тогда, чего доброго, и Советская власть вернется. Видимо, не только меня посещают сии вольнодумные мысли. Ибо “не пуцают” наши души! Цепко содержат их надзиратели “демократии”.

Но души живых людей – не птицы. Они в клетке не умирают, а ПРОЗРЕВАЮТ.